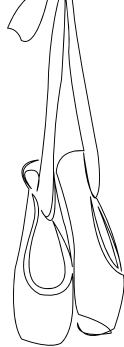

Вода

Словно старую шкуру, Полина сбросила с себя платье и нырнула в озеро.

Мгновенно приятная прохлада и свежесть прошли по всему её телу. Плыть было легко и приятно. За густым утренним туманом не было видно ни деревьев, ни другого берега. Она плыла в никуда, в неизвестность, разводя руками парное молоко и глядя вдаль, через густую завесу бархатной мглы. Редкая близость с природой, момент уединения и благодати. В мире не было больше никого — только она, туман и редкие голоса пробуждавшихся птиц. Начинался новый день.

Неожиданно над головой Полины послышался приближающийся странный шорох. Ужасающий звук становился всё сильнее и ярче. Замешательства или беспокойства он не вызвал, скорее удивление и лёгкое любопытство, ожидание прояснения неизвестного. Откуда ни возьмись, из тумана, буквально в паре метров от неё, на идеальную гладь воды опустилась большая стая белых лебедей. Птиц было много. Очень много. В густой дымке они были похожи на какие-то мистические создания. Все, как одна, грациозные, стройные, благородные, они красиво скользили по

воде впереди неё, выдерживая идеально симметричную композицию.

Промелькнула лишь мысль удивления: «Откуда здесь в середине июня взялась такая большая стая птиц? Ведь сейчас совсем не время их перелётов. Такое просто невозможно! Это мираж, галлюцинация. Наверное, мне это только снится».

Стремление к красоте и неведомому одержало верх, и Полина отбросила мимолётное сомнение. Сильнейший магнетизм благородных птиц в белоснежном оперении тянул её за собой, и девушка всё дальше продолжала уплывать за ними.

— Красиво плывёте! — послышался издали мужской голос. — Только не улетите, пожалуйста.

С берега кто-то явно пытался вернуть женщину назад. Полина мысленно поблагодарила гордых птиц за незабываемые впечатления и повернула обратно. На маленьком пирсе она разглядела знакомый силуэт. Это был Он. Стыдливое стеснение собственной наготы сковывало, и Полина сбавила темп.

— Это вам, — повесив большое белое полотенце на перила, выразительно сказал мужчина и галантно отвернулся.

Полина робко вышла из воды и закуталась в мягкое и пахнущее свежестью полотно. От волнения и озноба её кожа покрылась гусиной сыпью. Ей было неудобно, немного стыдно, и хо-

телось как-то прикрыть руки, которые красноречиво выдавали её возбуждение.

— Замёрзли? — не поворачиваясь, спросил мужчина.

— Нет, нисколько. Вода такая... — Полина остановилась, подбирая самое точное слово, — такая удивительная!

— Как и вы! — оборачиваясь, заметил мужчина. — Борис, — представился он, протянув ей руку.

Она неловко, с обеих сторон, вытерла о полотенце правую кисть и подала её в ответ, смущаясь оттого, что рука у неё настолько ледяная.

— Полина.

Удерживая и сжимая её ладонь, Борис сделал к ней ещё один шаг. Его глубокие синие глаза со стальным оттенком, не отрываясь, смотрели ей в лицо. От него исходила странная замораживающая сила. Это был повелитель!

Волевое загорелое лицо, внушительная фигура и обволакивающе бархатный тембр голоса, которым он играл этим утром, сводили с ума. А галантность и сдержанность развеяли остатки её сомнений.

На заинтересованном и улыбающемся лице Бориса не было ни следа бессонной ночи. Оно лишь пленяло природным обаянием.

— Вчера нам так и не удалось познакомиться. Да вы же замёрзли совсем!

— Нет, я в порядке, — она попыталась осторожно высвободить ладонь. — Спасибо за...

— Полотенце? Это мелочь. Я видел, как вы уходили, и понял, что утренний холод вас не остановит и вы точно искупаетесь.

— Да, я люблю воду, — взглядываясь в туман, подтвердила Полина.

— А я горы, — меланхолично продолжил он.

Словно пытаясь разглядеть другой берег, оба смотрели вдаль. Повисло неловкое молчание едва знакомых людей, и лишь утренние птицы радостным многоголосьем приветствовали восходящее солнце.

— Вы хороший рассказчик, — взглянув на Бориса, первой произнесла Полина. — Давно я так не смеялась.

— Вам правда понравилось?

— Конечно. Разве такие воспоминания могут кого-то оставить равнодушным? Мы словно вместе с вами и у костра посидели, и даже на скале побывали.

Утреннюю идиллию нарушил повторившийся громкий шорох. Стая лебедей, вынырнув из тумана и паря очень низко, практически скользя по воде, пролетела в одну сторону, затем развернулась и, словно прощаясь со случайными знакомыми, медленно стала подниматься всё выше и выше, пока не скрылась за верхушками деревьев.

— Вы белый лебедь или чёрный? — неожиданно спросил Борис.

— О чём это вы?

— Вы ведь балерина, причём хорошая, солистка. Это сразу заметно. Держитесь как-то по-особенному. Девушек, с которыми вы приехали сюда, я знаю, а вас вижу впервые. Только почему-то вчера вы совсем не танцевали.

— Ну а вы, вероятно, следовательно, с таким дедуктивным мышлением служите в органах, — пытаясь отшутиться, ответила она и, подобрав свои вещи, собралась уходить.

— Нет, всё гораздо проще. В бизнесе часто приходится присматриваться к людям. Раскусывать их.

— В таком случае, Ваш опыт не сработал, и вы ошиблись. Да, я танцую, но в труппе тридцать вторую виллису, — — отдалённо, ответила она.

— Странно, я почти никогда ошибаюсь, — и после секундного раздумья добавил: — Вы устали. Я отвезу вас домой.

Бессонная ночь и утреннее купание действительно отняли последние силы, и Полина буквально валилась с ног от усталости. Расположившись рядом с Борисом на сиденье его автомобиля, она сразу закрыла глаза и впала в лёгкую негу. Ей захотелось сохранить и собрать воедино обрывки вчерашних воспоминаний. В салоне ненавязчиво звучала знакомая музыка. Меланхолично, глубоко и нежно на трубе играл *Chris Botti*. Полина, притворяясь спящей, не шевелилась, в то время как перед её глазами всплывали одна за другой яркие сцены.

Театр. За кулисами артисты готовятся к балету «Ромео и Джульетта». Перед спектаклем у труппы было всего лишь две репетиции, за которые ей пришлось выучить свою партию в оригинальной постановке. Волнение плещет через край. Да, сегодня она не Джульетта, а лишь частица массовых сцен. «Возможно, это даже хорошо, входить в труппу маленькими шагами? Но всё же так непривычно и ново», — ловила она себя на мысли, пока дрожащими от волнения руками наносила макияж. Полина даже не пыталась разобраться, о чём говорили между собой её коллеги в маленькой гримёрной. Чужая страна, чужой язык. Всё не так, как раньше.

Занавес поднялся — и завораживающая музыка Прокофьева заполнила всё пространство. В зале нет свободных мест. Полный аншлаг. Людям нравится этот спектакль о любви: сюжет всем известен, только смотри на сцену и наслаждайся.

Вот и первый выход. Дух перехватывало: «Боже, как станцевать всё правильно и синхронно? Как ничего не забыть и не броситься в другую сторону?»

Полина уже на сцене и краем глаза ловит каждое движение Джульетты. «Всё же с классическими постановками гораздо проще. Там „казёнка“, и сориентироваться на месте всегда легче. А здесь такой вызов! — легко двигаясь по сцене, не прекращала размышлять она. — Молодец хо-

реограф, так интересно задумал». Танцевальная композиция и движения становились всё более замысловатыми. Артисты двигались словно по указанию невидимого властелина: синхронно поднимали перед собой согнутую в локте правую руку, будто сами возводили перед собой преграды, а затем, перекрещивая левую, пытались освободиться от своих же оков.

«С первого взгляда кажется, что движение совсем простое, а сколько в нём заложено смысла и какую эмоцию оно передаёт!» Не прерывая танца, она окинула взглядом публику. Зрители замерли и сидели словно заворожённые.

Антракт. Почему-то сегодня Полине невыносимо сложно: ещё на сцене она ждала, когда сможет высвободить ноги из пуантов и упасть на диван в коридоре. Казалось, что время уединиться и немного перевести дух наконец настало. Но к ней тут же подседа неугомонная юная коллега Маша.

— Ты заметила, сколько сегодня в зале пар? Интересно, кто-нибудь из них обручится после спектакля в фойе? — Полина взглянула на совсем не уставшую Машу, улыбнулась, но ничего не ответила. — У нас в театре на «Джульетте» уже традиция — шампанское, романтика, близкое возбуждённое дыхание возлюбленной, а потом на красном ковре он падает перед ней на колени и предлагает руку и сердце, — делилась коллега.

— Балетный гимн любви привлекает романтических возлюбленных провести свидание со смыслом. А нам надо наполнить их свидание содержанием, — поучительно ответила Полина.

— Нам надо на ногах устоять! — вскочила Маша и понеслась в сторону курилки.

Суматохи за кулисами меньше, а усталости от духоты и интенсивного танца, кажется, ещё больше. Балерина пыталась вспомнить, что будет дальше. Но от рисунка танца мысли всё время возвращались к главной героине. Возможно, когда-нибудь и ей выпадет честь танцевать на этой сцене Джульетту. На первый взгляд партия солистки не такая уж сложная. Со своим мастерством и опытом она легко с ней справится. Значит, дело осталось за достойным партнёром и разрешением руководителя готовить эту роль. Вот тогда она покажет, на что способна, и раскроет свой лирический талант в полной мере. А сейчас пора на сцену, в семье Капулетти — один за всех!

Драматическая кульминация, массовая сцена, затем дуэль и смерть Меркуцио. «Музыка Прокофьева так красива, эмоционально накалена и глубока. Как тонко чувствовал композитор балетные движения и динамику. Это просто великолепно!» — уже за кулисами, наблюдая за финальным дуэтом, размышляла балерина, и по её отяжелевшим от туши ресницам покатались слезы умиления. Занавес опустился.

Воздух был словно наэлектризован эйфорией от закончившегося спектакля. Полина сняла пуанты — и от пальцев ног через икры по всему телу потекла лёгкая боль и приятная общая усталость. Глоток шампанского сейчас как раз кстати. Кажется, сегодня она забыла пообедать, и капли игристого не только сняли напряжение, но и приятно расслабили, позволив отпустить мысли. «Всё, на сегодня всё. Пора отдыхать», — подумала балерина, лениво наблюдая, как полуголые танцоры пробегают по коридору в душ и весело галдят. Её переполняла радость за себя и за коллег. Сегодня был хороший спектакль. Получилось создать живую, настоящую эмоцию. Зрители в зале плакали, да и артисты за кулисами едва сдерживали слёзы во время сцены смерти. «Молодцы солисты, прекрасно передали идею создателей», — неспешно переодеваясь, думала она.

— Полина, ты с нами? — обратилась к ней уже полностью переодевшаяся и преобразившаяся из Маши в Марию коллега.

— Куда? Я не в курсе и не готова.

— Что значит не готова? Мы едем веселиться и отдыхать, разве для этого надо как-то настраиваться?

— Но как же насчёт наряда?

— Прекрати, ты всегда хорошо выглядишь. Поехали, не пожалеешь, будет интересно. Это я тебе гарантирую. Сегодня весь бомонд соби-

рается в загородном доме одного влиятельного дядечки.

— Который будет к нам ко всем по очереди приставать? — в шутку спросила Полина.

— Ну это от него и от нас зависит. Никогда не знаешь, кто кому сегодня больше понравится. Поехали, я тебя познакомлю с нужными людьми.

— Маша, я не понимаю по-литовски. Что я там буду делать?

— Улыбаться. Для этого языками владеть не обязательно. Это даже к лучшему, будешь такая загадочная. Можешь сама выбирать, на каком языке сегодня говорить — на русском или на английском. Ведь тебя никто не знает. Это так романтично! — протараторила Мария и одним глотком допила своё шампанское из пластикового стаканчика. — И кстати, там будет настоящий *Dom Perignon!*

— *D'accord, c'est une raison d'être d'accord*, повод согласиться есть, — на двух языках ответила Полина.

— *Allons-y, mon cher, il est temps. Vite, vite!* — поторопила её Маша.

Полина не устояла перед натиском молодой коллеги, второпях собралась, сняла размытый сценический макияж и направилась неизвестно куда.

Издалека доносилась музыка. На террасе толпилось много народа. Все были такие гла-

мурно-стильные, один лучше другого. Познакомиться с каждым или хотя бы с кем-то из этих людей не было ни желания, ни возможности. Мария поочерёдно, важно подходила к своим знакомым, заводила беседу и не заметила, как потеряла из виду старшую коллегу. Тем временем Полина получила редкую возможность сойти со сцены, побыть одной и просто понаблюдать за незнакомыми людьми. Взяв бокал шампанского, она устроилась в единственном свободном глубоком плетёном кресле на террасе и затаилась. Здесь её практически не было видно, зато перед ней всё действие открывалось как на ладони.

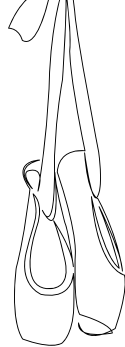
Кто эти люди? Что им нравится, что занимает их воображение, какие их сокровенные цели? Она могла лишь догадываться о том, чем занимаются собравшиеся гости, о чём сейчас говорят и над чем смеются.

Шампанское сняло всё напряжение этого дня, и сейчас Полина просто наслаждалась. Лишь недавно она заметила, как изменилось её отношение к пребыванию в обществе людей, говорящих на незнакомом языке. Раньше это вызывало какое-то раздражение, она ощущала свою ущербность, не понимая, о чём идёт речь, а сейчас это состояние ей даже нравилось, оно было так естественно и органично. Балерина просто не могла знать и пока не понимала этого языка. Заранее поучить слова или фра-

зы тоже не было возможности. Она приехала сюда, словно переселилась на другую планету, перенеслась в другую языковую среду и жила, пытаясь стать её частью так, как получалось. Полина уже понимала несколько выражений благодарности и приветствий, но все другие слова для неё пока были *terra incognita*¹. И, к счастью, никому не было до этого никакого дела.

В балетном классе

Утром Полина никак не могла сосредоточиться. Как всегда, без четверти десять ведущая балерина уже прогревала и растягивала свое тело, лёжа на полу в балетном классе. Вокруг царила привычная суматоха. Кто медленно, а кто с видимым порывом стремился в зал. Коллеги собирались. Обменявшись с другими лёгкими приветствиями, каждый занялся собой. Со стороны прима сейчас выглядела как обычно — спокойствие на лице, отвлечённый взгляд и характерные только для неё лёгкие потягивания, которые напоминали состояния некоего транса.

Не отдавая себе отчёта, зачем и почему, Полина лежала на коврик и автоматически повторяла все те же движения, которые выполняла каждое утро. Сначала ноги. Мягко поворачивать ступнями, затем размять колени. Поднялась ещё выше — широкие круги согнутой ногой. Надо, надо разогреться. Солистка села и стала медленно, ритмично наклоняться вперёд. Достянулась руками до пальчиков ног и с любовью помассировала их. Спина болела, точнее постоянно ныла. Положив ладони на спину и ощущая лёгкую теплоту, исходящую от рук, Поля прогибалась вперёд всё ниже и ниже. Теперь шпагат

в одну сторону, затем, не отрываясь от паркета, повернуться в другую и зафиксировать шпагат с другой ноги. И наконец она легла, уперевшись подбородком на скрещенные ладони, в глубокую поперечную растяжку.

«Дальше так продолжаться не может. Ты должна сосредоточиться. Соберись! — в непрерывном внутреннем диалоге ругала себя балерина. — Ты почему расклеилась? С тобой такого никогда прежде не было. Это же просто наваждение. Между вами даже быть ничего не может. Выбрось его из головы. Просто выбрось всё из головы. Это не имеет никакого значения! Балет — вот, что у тебя есть. Ба-лет!»

Внутренний Цербер не прекращал укорять, и она всё глубже погружалась в лоно своих переживаний. И чем больше она об этом думала, тем меньше представляла себе, как будет жить дальше.

Сколько лет эта на первый взгляд ещё совсем молодая женщина ежедневно начинала так свою рутину? Пятнадцать? Двадцать? В этом зале лучше не мучить себя подсчётами. Летоисчисление придумали жестокие люди: оно всегда указывает на окончание, на приближающийся финал. И чем больше цифра, тем меньше от неё радости. Конец всё ближе и ближе. Он неизбежен.

«Моё время уходит, уходит так быстро, осталось уже совсем немного. Сколько раз я ещё станцю Никию² или Одетту-Одиллию³? Да что там: смогу ли я вновь подготовиться, набраться сил